

Л. П. Лаптева*

Профессор И. С. Пальмов и его исследования по церковной истории зарубежных славян

Иван Саввич Пальмов (1856–1920 гг.) принадлежит к числу крупнейших русских ученых-славистов последней четверти XIX — начала XX в. Предлагая его кандидатуру в действительные члены РАН по Отделению русского языка и словесности, академики этого отделения писали: «И. С. Пальмов принадлежит к числу лучших знатоков современного славянства... Он объездил почти все славянские земли... завел связи со славянскими учеными разных специальностей и до текущей войны находился с ними в живых отношениях. Лучшего знатока современного славянства, чем И. С. Пальмов, нет в России, и его имя хорошо известно каждому образованному славянину и пользуется во всех странах православного, католического и протестантского славянства полным уважением»¹. Уникальность Пальмова как ученого заключается еще и в том, что его творчество было сосредоточено на изучении церковной истории западных и южных славян, и, как отмечается в цитированном отзыве, он являлся «единственным знатоком религиозной жизни славянства в ее прошлом и настоящем»². На его труды писали рецензии не только русские ученые, но и специалисты из славянских стран.

Академик Пальмов был профессором Санкт-Петербургской Духовной академии по кафедре церковной истории славянских народов, и с наступлением новой идеологии его творчество оказалось ненужным и неактуальным. В советской историографии Пальмов был надолго забыт, как и многие другие дореволюционные слависты. Имя Пальмова в 1960-х гг. упоминали лишь те советские историки, которые занимались гуситским движением в Чехии XV в.³ С возрождением интереса к истории отечественного славяноведения мне на основании многочисленных архивных исследований в хранилищах СССР и некоторых иностранных, преимущественно Чехии (тогда Чехосло-

* © Лаптева Л. П., 2007

Людмила Павловна Лаптева, доктор исторических наук, профессор кафедры истории южных и западных славян Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

вакии) и Германии (в то время ГДР), удалось изучить жизненный и творческий путь замечательного русского историка-слависта⁴.

Существующая на сегодняшний день литература о Пальмове не полностью освещает его творческий путь. Она сосредоточена в основном на разработке Пальмовым вопросов, касающихся церковной истории западных славян, преимущественно Чехии периода феодализма. О церковной истории южнославянских народов ученый также опубликовал большое число исследований, которые, однако, не получили в историографии соответствующей оценки. В то же время в архивах хранится значительное количество документов, еще не введенных в научный оборот. Среди них особенно интересны письма ученого, содержащие подчас уникальные сведения, касающиеся различных исторических сюжетов.

Жизненный путь Пальмова подробно описан, поэтому укажу лишь основные моменты его биографии. И. С. Пальмов родился в 1856 г. в селе Ногайск Рязанского уезда Рязанской губернии, в семье священника⁵. Окончил Рязанскую Духовную семинарию, затем в 1880 г. — Петербургскую Духовную академию со степенью кандидата-магистранта⁶. Здесь он был оставлен для подготовки к занятию только что учрежденной тогда кафедры истории славянских Церквей. Чтобы познакомиться с состоянием науки о славянах, совершенствовать знание славянских языков, Пальмов был в 1880–1881 гг. командирован на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета под руководство известного слависта В. И. Ламанского⁷. Профессор Ламанский предложил молодому ученому заняться вопросами религиозной борьбы в Чехии в XV в., и в 1881 г. Пальмов защитил магистерскую диссертацию «Вопрос о Чаше в гуситском движении». Затем он был направлен в архивы и библиотеки славянских и других стран исследовать материалы по истории славянской Церкви. О том, как ученый расширял и углублял свои знания, свидетельствуют его письма и отчеты о занятиях, которые он посылал совету Санкт-Петербургской Духовной академии.

8 ноября 1881 г. Пальмов приехал во Львов, где его наставниками были известные галицийские ученые и политические деятели Л. И. Добрянский и А. С. Петрушевич. Пальмов познакомился с рукописями и книгами, хранившимися в библиотеках Львовского университета и Оссолинских. В архиве Ставропигийского университета во Львове он изучил привилегии «Русской Церкви», галицко-русские сочинения и современные галицко-русские и польские периодические издания. Пробыв во Львове 5 недель, ученый поехал в Перемышль, где также просмотрел более 20 рукописей. Затем он исследовал 22 документа (грамоты, разрешения и др.), а также рукописные памятники русских церковных учреждений и лиц в Галиции, познакомился с материалами по католической Церкви в Галиции. Из Перемышля ученый отправился в Прагу. Его магистерская диссертация была посвящена проблемам гуситской идеологии, и ученый планировал дальнейшую их разработку. Исследования архивных материалов Пальмов начал в Чешском национальном музее, где обнаружил рукописные подлинники произведений предшественников Яна Гуса — Яна Милича и Матвея из Янова. Сочинения Яна Милича, жившего

в XIV в., представляли собой 3-томную рукопись XV в. на латинском языке под названием «*Sermones Miliciei*», содержащую тексты проповедей, речей и бесед Яна Милича. Изучив эти сочинения, Пальмов пришел к выводу, что реформа Милича носила нравственно-практический характер и что «нельзя настаивать на... сознательно твердых и решительных его симпатиях к Востоку». Ученый считал, что Милич видел идеал церковной реформы в «кирилло-мефодиевской» вере. Пальмов изучил также «Чешскую постиллу» реформатора-гусита Яна Рокицаны и «*Tractatus contra communionem parvulorum*», написанный в XVI в. и направленный против протестантов.

В Отделе рукописей Национального музея Пальмов изучал и трактаты утравкистов против членов Общины чешских братьев (ОЧБ), а также трактат «Двадцать причин, почему лучше под обоими видами принимать Евхаристию, нежели под одним». Познакомился ученый с рукописью Нового Завета и несколькими рукописными сочинениями о Чаше в чешской Церкви в догуситскую эпоху. В библиотеке Пражского университета Пальмов изучал латинские и чешские рукописи гуситской эпохи и периода католической реакции. Рукописи были разнообразны по жанру и внушительны по объему: трактаты, сборники трактатов, речи чешских послдов на Базельском соборе, декрет Пражского университета о Причащении под двумя видами, трактаты Якоубека из Стржибра, Микулаша из Дрездена, Андрея из Брода и др. — всего 16 рукописей, большинство из которых объемом от 100 до 400 листов. Изучение этих материалов привело Пальмова к выводу, что «вопрос о Чаше был альфой и омегой чешской Реформации». Далее ученый проштудировал материалы, касающиеся истории ОЧБ, 2-томную «*Historia fratrum Bohemorum*» Яна Благослава (1523–1571 гг.), «Евангелие» Я. Благослава, «Мануальник» Вацлава Коранды (младшего), а также множество статей других авторов.

В Земском архиве в Праге Пальмов исследовал материалы Архива чешских братьев, переписанные с оригиналов, хранящихся в Гернгуте. В Капитульной библиотеке он читал рукописные сборники богословских трактатов и исторических актов, относящихся к чешской истории, отыскал 7 рукописей о гуситском движении⁸. Из Праги Пальмов поехал в Гернгут — маленький городок в Саксонии, где хранится архив ОЧБ, и проштудировал те тома документов (всего 14), которых не было в Праге, а также читал другие рукописи Гернгутского архива. Наряду с работой над историей ОЧБ русский ученый заинтересовался историей сербов-лужичан — славянского населения Германии, жившего в Саксонии, в Лужицах. «Занимаясь исторической судьбою серболужицкого народа, я обращал внимание, — говорил Пальмов, — и на его современное положение в общественно-политическом и церковном отношениях, на состояние литературы и пр.»⁹. Вышеизложенное содержание отчета Пальмова о его пребывании у западных славян в период 1881–1882 гг.¹⁰ показывает, сколь основательна была подготовка молодого русского магистранта к изучению религиозных отношений у славян. Отметим также, что богословская, языковая и палеографическая подготовка Пальмова, полученная в Духовной академии и в Санкт-Петербургском университете, вполне обеспечивала ему успешное прохождение ученой командировки. Пальмов владел древними

и новыми языками, знал славянские языки, был в высшей степени компетентным в области христианского вероисповедания, умел устанавливать контакты не только с православными, но и с представителями других конфессий.

От сербов-лужичан ученый отправился в Белград, где занимался в Отделе рукописей Народной библиотеки и обнаружил много новых, до сих пор неизвестных ученому миру материалов, сделал с них копии, находя для этого «помощников среди услужливых сербов»¹¹. До 1884 г. Пальмов занимался изучением источников и литературы по истории славян и особенно истории Церкви в разных центрах южного славянства — в Загребе, Любляне, Цетинье, Карловцах, Софии и Филиппополе. С целью более объективного понимания исторических судеб славянства Пальмов около года изучал источники в архивах и библиотеках Константинополя, святогорских афонских монастырей, в Солуни, в Афинах, на острове Патмос, в Смирне, а также в Румынии — в Бухаресте, Яссах и Нямецком монастыре. Результаты своих 3-летних научных занятий Пальмов изложил в книге «Из путешествия по греко-славянским землям» (СПб., 1890)¹².

По возвращении из командировки в июне 1884 г. Пальмов был допущен к чтению лекций по кафедре истории славянских Церквей в Санкт-Петербургской Духовной академии. В 1887 г. он получил звание доцента, а в 1888 г. — экстраординарного профессора. За границу ученый выезжал еще много раз. В 1890-х гг. и в начале XX в. он работал над докторской диссертацией по истории ОЧБ. В 1894 г. ученый очередной раз побывал в Праге, где провел весь 1903/04 учебный год, чтобы издать докторскую диссертацию¹³. В 1904 г. Пальмов защитил эту работу под названием «Чешские братья в своих конфессиях до начала сближения их с протестантами в конце первой четверти XVI столетия» (Прага, 1904), получив степень доктора и звание ординарного профессора Духовной академии¹⁴. Как свидетельствует переписка Пальмова с чешскими учеными, он посещал Прагу также в летние месяцы 1907, 1909 и 1910 гг. Последнее его посещение чешской столицы состоялось в начале Первой мировой войны, летом 1914 г. Один из его биографов писал, что «на другой день после объявления Германией войны пришлось ему уезжать из Берлина среди разъяренной толпы, грозившей палками и зонтами избить уезжающих русских»¹⁵.

Путешествия Пальмова по странам Запада имели решающее значение для его научной деятельности. За границей он обнаружил материалы для своих исследований, установил контакты со славянским ученым миром. Сохранившиеся письма к разным лицам показывают, сколь широк был его круг общения с учеными-современниками. Результаты архивных и библиотечных исследований Пальмова нашли отражение в большом количестве его чрезвычайно ценных работ. Фундаментальными трудами являются его магистерская и докторская диссертации, посвященные идеологии гусизма и религиозного движения в Чехии в XV–XVI вв. Немало трудов Пальмов посвятил вопросу о кирилло-мефодиевских традициях у западных славян, провел интересные исследования по истории православной Церкви у южных славян, большое внимание уделяя и современному ее состоянию. Писал Пальмов и о православной Церкви неславянских европейских народов.

О гуситском движении в Чехии XV в. до вступления Пальмова на научную стезю в науке существовала уже богатая литература. Этот феномен европейской истории XV в. рассматривался и оценивался в зависимости от конфессиональных, национальных, нравственных убеждений исследователей. К 80-м гг. XIX в. на основании новых документов и более эффективных методов работы над историческим материалом стало формироваться мнение, что гуситское движение по своей сущности было явлением социального характера, выросшим на основе экономических, политических и национальных противоречий в чешском обществе в последней четверти XIV — начале XV в. Огромную роль в этом процессе играли противоречия между господствующей католической Церковью и светским обществом. Глубокий кризис внутри католической Церкви, выразившийся в открытой, иногда вооруженной борьбе за папский престол, в симонии, в нравственном упадке высшего и среднего духовенства, вызвал критику. Высказывались пожелания провести реформу последней. Наряду с этим кризис породил и множество так называемых еретических течений, создателями которых были представители низшего духовенства, а нередко и люди светские. «Народные ереси» придавали иной характер требованиям реформы Церкви, вплоть до ее отрицания. Постепенно формировалась реформационная идея, которая и стала идеологией гуситского движения.

В России гуситскому движению также уделялось большое внимание. До 1870-х гг. в русской литературе господствовала так называемая славянофильская концепция гуситского движения. Ее наиболее крупные представители — Е. П. Новиков, А. Ф. Гильфердинг и частично В. И. Ламанский — видели в гуситском движении стремление к возврату к старой традиции, к периоду кирилло-мефодиевскому, к славянскому обряду, к единению с Церковью православной и к возрождению православия¹⁶. Пальмов был представителем другого поколения русских гуситологов. На основе богатого, критически обработанного материала, глубокого знания литературы по рассматриваемому вопросу, основательной теологической эрудиции, а также беспристрастности он пришел к иным выводам. Он не отождествлял гусизм с православием и считал, что чешская Реформация была одного происхождения с западноевропейскими реформационными движениями. Она возникла по тождественным причинам, но проходила в ином направлении, имела свой особый характер, возможно под влиянием восточного кирилло-мефодиевского православия. Тезис о сохранении в Чехии постоянного стремления к соединению с греко-православной Церковью не может, по мнению Пальмова, быть принят категорически как несомненно доказанная историческая действительность. «Нет необходимости и нет достаточно серьезных причин, чтобы сильно отличать чешское реформационное движение от других предшествующих и современных ему религиозно-реформационных попыток в западном католическом мире и считать его исключительно восточным». Пальмов признавал только, что это движение апеллировало как к идеалу к апостольской Церкви и, таким образом, к основам Церкви православной¹⁷.

Приведенные суждения Пальмова содержатся уже в 1-й объемной его работе «Вопрос о Чаше в гуситском движении» (СПб., 1881). В ходе дальней-

шего исследования вопроса взгляды ученого претерпевали изменения. В своих поздних трудах он в ряде случаев сближался с историками-славянофилами, пытаясь примирить противоположные точки зрения на историю гуситского движения. В 1893 г. Пальмов переиздал сочинение историка-славянофила А. Ф. Гильфердинга «Ян Гус. Его отношение к православной Церкви» (СПб., 1871. Изд. 1. 1870 г.) с собственным предисловием и добавлениями. Он напечатал интересный документ «Исповедание веры», который предложил Константинопольской Церкви посол чешских уtrakвистов в 1452 г. Константин Ангеликус. Не говоря об этом прямо, исследователь при издании сочинения Гильфердинга фактически солидаризируется с ним, что следует как из самого факта издания, так и из пояснений Пальмова о значении добавленных документов, которые имели целью подтвердить концепцию Гильфердинга новыми данными¹⁸. Таким образом, Пальмов создал эклектическую концепцию, которая прослеживается в большинстве его трудов по гуситскому движению. Меньше всего он примыкает к историкам-славянофилам в своей магистерской диссертации «Вопрос о Чаше в гуситском движении». Кроме этой работы ученому принадлежат исследования «К вопросу о сношениях чехо-гуситов с Восточной Церковью» (1889), «Иаков из Стржибра» (1905), «Иероним Пражский» (1905), «Исторический образ Иеронима Пражского» (1916), «Чешский гуситизм и его историческое значение» (1909), «Ян Гус» (1915).

Несмотря на эклектичность концепции, Пальмов имеет большие заслуги перед русской гуситологией. Важно, что он понял социальные мотивы, которыми руководствовались высшие слои чешского общества гуситской эпохи. Если историк славянофильского направления Е. П. Новиков полагал, что проповеди Гуса явились чуть ли не главной побудительной причиной секуляризации церковных имуществ¹⁹, то Пальмов смотрел на этот вопрос более зрело. «Высшее духовенство, — писал он, — некоторые бароны, рыцари с личностью Гуса могли связывать отчасти и свои личные политические тенденции. Находя в учении Гуса указания на необходимость отнятия у духовенства церковных имуществ, высшее дворянство, естественно, должно было ухватиться за эту сторону Гусовой доктрины, думая через то... воспользоваться отнятым у духовенства имуществом и правами для успешного ведения борьбы с абсолютизмом королевской власти чешских государей»²⁰. Таким образом, Пальмов учитывал социальные моменты как причину популярности Гуса среди различных слоев общества.

Пальмов более подробно и глубоко, чем это было сделано ранее в русской литературе, изложил учение английского реформатора XIV в. Дж. Виклефа, оказавшего серьезное влияние на выработку гуситской идеологии. Он изложил содержание главных сочинений Виклефа и так оценил воззрения английского реформатора: «Виклеф уничтожил все внутреннее устройство Церкви, ее учреждения и обряды и, довольствуясь одним чистым отрицанием, не показал, чем должно быть заменено разрушенное; он требует только от христианина добродетельной жизни, называет безбожную жизнь ересью... Не довольствуясь критикой современного ему христианского общества, отрицанием всех существующих порядков церковной жизни, Виклеф то же отрицание

вносит и в сферу догматов веры». Изложив учение Виклефа о предопределении и таинствах, Пальмов констатирует, что тот потому не выступал за Причащение под двумя видами, как это делало большинство реформаторов, что таинство Евхаристии утрачивает большую часть своего значения, если не происходит Пресуществления. Далее он указывает, что Виклеф был только философ-богослов, теоретик-отрицатель: «Он клеймил позором пороки и недостатки современной ему католической иерархии... и отрицал догматы католической Церкви, не давая взамен ничего позитивного, кроме разве того, что предоставил народу Библию на его родном языке и поставил существенной обязанностью христианского богослужения проповедь. Но этого недостаточно было для реформирования Церкви по образцу апостольской». Подкапывая все здание Римской Церкви, Виклеф, по мнению Пальмова, желал создать новый порядок церковной жизни, опираясь исключительно на Библию. Отметив, что такая теория не могла быть осуществлена на практике, русский ученый причисляет ее к бесплодным учениям. Далее Пальмов сопоставил учения Виклефа и Гуса. Указав на то, что исходный пункт их религиозных систем один и тот же, ученый констатирует, что теория Виклефа была преимущественно деструктивной, учение же Гуса созидательным. Виклеф отрицал самые основы католичества, а Гус восставал лишь против многих его частных сторон, прежде всего против отклонений католического духовенства от принципов Священного Писания. Заключение Пальмова о сходстве и различиях в учении английского и чешского реформаторов являются значительным вкладом в русскую гуситологию и одновременно аргументированным опровержением утверждений некоторых немецких историков о несамостоятельности Гусовых идей.

Впервые в русской историографии гуситского движения Пальмов подробно рассмотрел вопрос об отношении утраквистского учения к католичеству. Он указал на эволюцию утраквизма. Если на заре утраквизма между чашниками и отцами Констанцского собора были сильны разногласия, то в начале 40-х гг. XV в. главные положения утраквизма уже были близки к католической доктрине. Пальмов подчеркивал общность между чашниками и католиками в догматическом учении о Пресуществлении и в толковании некоторых католических сочинений. Ему ясно, что общность между чашниками и католиками существовала не только в догматах, но и во многих обрядах. Но ученый, разумеется, признает и то, что чашники причащали мирян под двумя видами, ввели в богослужение чешский язык, прославляли память Яна Гуса и внесли в свое учение статью, осуждающую злоупотребления клира²¹.

Таким образом, признав в числе причин гуситской Реформации социальный фактор, Пальмов не увидел того, что именно этим аспектом определялась причина эволюции утраквизма. Именно умеренная партия — чашники, — одержав победу над радикалами и Церковью, решила свою основную задачу — секуляризацию церковных земель и вообще имущества, лишила Церковь светской власти и сосредоточила в своих руках экономическое и политическое господство. В то же время Чехия находилась в изоляции в католической Европе, имея репутацию «еретической страны». Для укрепления

своего положения в международном плане чешские пань, рыцари и горожане, принадлежавшие к утраквистам, должны были идти на компромиссы и уступки в вопросах веры.

Впервые в русской литературе о гусизме Пальмов подробно осветил деятельность одного из гуситских идеологов, Якоубека из Стржибра. Именно ему, а не Гусу исследователь ставит в заслугу реставрацию в Чехии Причащения под двумя видами. Он приводит подробные сведения о диспутах и содержании трактатов, где Якоубек защищал свое учение о Чаше, высоко ставит полемический дар чешского магистра, подробно анализирует полемику Якоубека с антигуситом Андреем из Брода и с постановлениями Констанцкого собора, а также его трактат «Апология причащения мирян под обоими видами»²². Изложение учения и деятельности Якоубека основано целиком на главных источниках, с учетом всех тонкостей христианской догматики. О радикальной партии гуситов Пальмов писал мало. Ввиду того что ученый ставил на первое место в гусизме Реформацию, а не социальные проблемы, он отказывает радикалам в развитии этого явления, полагая, что идею всего гуситского движения выражал утраквизм. В оценке таборитской партии Пальмов допускает крайний субъективизм, утверждая, что табориты были немногочисленны, хотя общеизвестно, что эта партия состояла преимущественно из представителей беднейших слоев города и деревни и других слоев населения, которых, конечно, было больше, чем панов и рыцарей.

Таким образом, Пальмов признавал гуситское движение Реформацией, отрицал его революционный характер, недооценивал социальный фактор, хотя и учитывал его роль среди причин гусизма. Главная заслуга ученого в исследовании гуситского движения заключается в том, что, несмотря на эклектизм концепции и колебания в сторону славянофильской оценки, работы Пальмова внесли вклад в развенчание априорной идеи о православном характере движения. Велики заслуги Пальмова в изложении некоторых частных проблем гуситского движения. Сочинения ученого получили широкий отклик среди русских и иностранных специалистов.

Другая фундаментальная работа Пальмова «Чешские братья в своих конфессиях до начала сближения их с протестантами в конце первой четверти XVI столетия» (Прага, 1904) является продолжением первой и, во всяком случае, тесно с ней связана. ОЧБ — религиозная организация чехов, возникшая в середине XV в. как отголосок идеологических боев периода гуситской революции. Духовным отцом ее был Петр Хельчицкий, который, в отличие от таборитов, призывавших к уничтожению несправедливого существующего строя с помощью оружия, хотел установить общество равных мирными средствами, методами самоусовершенствования каждого индивида. При этом он энергично критиковал пороки общества — неравенство, эксплуатацию, насилие. После окончания гуситских войн эта теория непротивления нашла группу сторонников, объединившихся в 1453 г. в «Общину братьев». Учение общины отличалось от официального утраквистского, признанного в Чехии после гуситских войн. После смерти основателя общины брата Григория вставшие во главе ее братья Лука, Лаврентий и Прокоп выработали новую

догматику и реформировали общину. Реформа в 1490 г. получила поддержку большинства. В XVI в. под влиянием европейской Реформации догматика общины вновь изменилась, ее учение приспособлялось к взглядам М. Лютера и У. Цвингли. В течение XVI в. братья активно участвовали в религиозной борьбе, особенно против католиков, их преследовали и прогоняли из Чехии. После поражения чешского сословного восстания 1618–1620 гг. католическая религия объявлялась в стране единственно допустимой, а все не католики изгонялись. В 1627 г. подавляющее большинство членов ОЧБ эмигрировало, создав несколько колоний в Германии и Польше. После Тридцатилетней войны в Европе ОЧБ распалась, бывшие ее члены присоединились к различным протестантским деноминациям Европы.

В отличие от гуситского движения, породившего обильную литературу, в том числе и русскую, история ОЧБ стала изучаться сравнительно поздно и не имела к концу XIX в. богатой историографической традиции. Существенный вклад в изучение истории ОЧБ внесли русские ученые. Так, Ю. С. Анненков (1849–1885 гг.) обнаружил и проанализировал несколько сочинений Хельчицкого, ранее неизвестных. Он же сделал ряд важных уточнений в определении авторства рукописей и подготовил к печати главный труд Хельчицкого «Сеть веры», но не успел его издать²³. Большое внимание первоначальной истории ОЧБ уделял другой русский ученый Н. В. Ястребов (1869–1923 гг.), практически открывший литературное наследие Хельчицкого²⁴. Эти исследователи могут быть отнесены к позитивистскому направлению в историографии.

Изучали историю ОЧБ и представители других направлений²⁵. Так, историки-славянофилы видели в учении ОЧБ значительное сходство с православием, более того, считали, что в первоначальный период своего существования оно было во многом созвучно православию²⁶. Однако православные современники первых лет существования ОЧБ не только не признавали «братьев» своими единомышленниками, но даже считали их еретиками. Так, в 1570 г. брат Рокита, чех из Литомышля, старший общины в Польше, вместе с посольством польского короля Сигизмунда Августа прибыл в Москву. Здесь перед русским царем Иваном IV и Боярской думой он произнес речь, изложив в ней братское исповедание веры. Иван Грозный, начитанный в богословских вопросах и считавший себя их большим знатоком, имел об учении ОЧБ самое смутное представление, смешивая единомышленников Рокиты с адамитами. И хотя Рокита защищал братьев от обвинений царя, Грозный ему ответил: «А все-таки ты для меня еретик, ибо все твое учение превратно и совершенно противно христианскому и церковному учению. Да ты же не только еретик, но и раб антихриста, возбужденный дьяволом»²⁷.

Крупнейшим исследователем истории ОЧБ был Пальмов. Этой проблеме он посвятил несколько трудов. Среди них статья «К вопросу о сношениях чехов-гуситов с Восточной Церковью» (1889), «Мануальник Вячеслава Коранды как источник для характеристики религиозно-реформаторских идей чешского утраквизма во второй половине XV в.» (1905). Главной же его работой, в которой изучается религиозная доктрина общины, ее генезис и даль-

нейшее развитие, является исследование «Чешские братья в своих конфессиях до начала сближения их с протестантами в конце первой четверти XVI столетия» (1904). Работа основана главным образом на первоисточниках, ранее не исследованных в совокупности. Книга состоит из 2 частей. В 1-й характеризуются все известные к тому времени источники, а также литература об ОЧБ. Дается и подробное описание Братского архива, наиболее полное из существующих. Многие документы выявлены самим Пальмовым. Он уточнил сведения о сочинениях отдельных деятелей ОЧБ, установив авторство ряда трудов. В книге приводится подробное и точное описание не только подлинников, но и изданий текстов. В целом 1-я часть книги содержит сведения обо всех источниках и литературе по истории ОЧБ периода до 30-х гг. XVI в., доступных исследователю XIX — начала XX в. Во 2-й части книги Пальмов опубликовал тексты «конфессий» (конфессия — документ, содержащий целостное изложение вероисповедания братьев) чешских братьев 2-й половины XV в. и 1-й четверти XVI в. Книга стала выдающимся явлением в изучении ОЧБ. Известный чешский историк В. Флайшганс писал: «Профессор Пальмов с редкой добросовестностью и щепетильной научной точностью собрал и напечатал все братские “конфессии” и “апологии” и тем самым подготовил почву для новых исследований этой эпохи истории братьев, в ее деталях еще темной и загадочной»²⁸. Труд Пальмова остался незавершенным. Ученый предполагал исследовать постепенное изменение доктрины братьев в ходе исторического развития, взяв для этого за основу их конфессии. Но рассуждение на эту тему не было написано. Тем не менее об оценке автором сущности общины можно судить и на основании двух опубликованных частей книги. «Братская доктрина, — утверждал русский историк, — развилась из церковно-исторических отношений Запада в недрах как ортодоксального, так и еретического католичества»²⁹.

Пальмов весьма основательно проработал многие вопросы истории ОЧБ. Прежде всего он выяснил условия возникновения общины и роль в этом процессе Хельчицкого. Ученый относил Хельчицкого к числу «гуситских писателей», имевших «весьма сильное влияние на образование общины»³⁰, а в качестве доказательства привел одну из братских апологий, указав, таким образом, не только на идейную связь Хельчицкого и ранней общины, но и на источники, подтверждающие эту мысль. Исследователь полагал, что ОЧБ есть «прямое порождение гусизма, известная форма его своеобразного развития. Сами братья признавались учениками Гуса, его чешских предтеч и прямых его последователей». В западноевропейской научной литературе того времени встречалось подчас отождествление чешских братьев с вальденсами. Не отрицая некоторого сходства их учений, Пальмов считал, что своим возникновением ОЧБ обязана скорее внутренним причинам, чем внешним влияниям, например австрийских и других вальденсов. Эта точка зрения не устарела и до наших дней.

Пальмову принадлежит и создание наиболее достоверной биографии Яна Рокицаны. Ученый выявил все рукописные и изданные сочинения этого утраквистского епископа. В Братском архиве он прочитал сохранившиеся письма

Рокицаны против чешских братьев. Хотя влияние Рокицаны на возникновение общины признавалось самими братьями, его роль, как показал Пальмов, была двойкой: утраквисты в лице Рокицаны и Мартина Лупача, первоначально сочувственно относившиеся к ОЧБ, позднее переменили свои взгляды. «Братья стали для них отщепенцами... даже пикардами, против которых необходимы были не только обличения за еретические уклонения от истинного христианского учения и требований Базельских компактов, но и преследования», — пишет ученый. Уникальные данные привел Пальмов о Мартине Лупаче. Ученый исследовал хранившийся в то время в Будишине (Баутцен, Саксония), еще не упоминавшийся в литературе сборник выписок из сочинений Лупача и обнаружил в нем несколько неизвестных ранее трактатов этого утраквистского деятеля. Указал Пальмов также на документы Братского архива в Гернгуте, содержащие свидетельства отношения Лупача к братьям. Самым подробным образом Пальмов осветил жизнь и деятельность брата Григория. Наряду с новыми биографическими подробностями, отсутствующими в других работах, он доказал, что Григорий участвовал в полемике против Рокицаны, написал 7 известных писем Рокицане и другие послания и трактаты. На основании анализа документов Пражского архива Пальмов скорректировал мнение чешских историков И. Иречека и Я. Голла относительно принадлежности некоторых трактатов брату Григорию.

Заслугой русского ученого явилось освещение деятельности и других выдающихся членов ОЧБ. До выхода в свет его книги «Чешские братья...» в русской литературе упоминались главным образом имена Прокопа, Луки, Яна Благослава. Пальмов же сообщил еще до десятка имен деятелей, внесших тот или иной вклад в историю ОЧБ. Ученый уточнил и дополнил имевшиеся в литературе данные на основании собственных архивных изысканий и таким путем ввел в научный оборот новый материал. Он разыскал принадлежащие отдельным братьям сочинения, определил авторство анонимных, исправил ошибки предшественников. Пальмов охарактеризовал целую группу братских деятелей, о которых в другой русской литературе сведений нет. Так, одного из представителей в ОЧБ Пальмов увидел в Яне Кленовском (1430–1498 гг.), за которым признал авторство двух братских «конфессий». Одну из них, 1471–1472 гг., ученый обнаружил в Братском архиве и впервые опубликовал в своей книге. Здесь же Пальмов отыскал отрывочные сведения о Матвее Кунвальдском, епископе ОЧБ, и сведения о епископе общины Томаше Пржелуцком († 1517 г.), с его сочинениями историк ознакомился еще в Гернгуте. В том же хранилище он обнаружил сочинение Яна Таборского. Русский исследователь рассказал о деятельности лекаря Яна Черного, в частности, о его трактате, обнаруженном в братских фолиантах. Много нового внес ученый и в освещение творчества брата Лаврентия Красоницкого, активного полемиста, защищавшего ОЧБ от нападок со стороны католиков, вступавшего в прения с пражскими утраквистами и боровшегося против влияния в общине идей Лютера и Цвингли. Он выявил в Братском архиве 3 полных текста сочинений Красоницкого и подтвердил его авторство.

Наибольшее внимание Пальмов уделял сведениям о брате Луке. Этот энергичный защитник новых принципов ОЧБ и ее организатор после 1494 г., крупный писатель, был уже известен в литературе, но русский историк сообщил о нем новые биографические сведения: Лука был бакалавром, одним из главных деятелей ОЧБ после 1482 г., а в 1500 г. стал одним из ее епископов. Он активно боролся за интересы общины, лично участвовал в спорах, писал апологии, «конфессии», составил братский катехизис, боролся против влияния Лютера и Цвингли в общине. Сочинения Луки явились, по мнению Пальмова, полным изложением братского учения его времени. Исследователь обнаружил в различных фолиантах Братского архива некоторые послания Луки, уточнил местонахождение его отдельных рукописей и хронологию ряда произведений.

При характеристике творчества наиболее выдающихся братских деятелей Пальмов привел ценные сведения о культурной деятельности общины. Так, он рассказал о создании Братского архива и его восстановлении после литомышльского пожара 1546 г. Яном Черным и Яном Благодомом. Пальмов признал вклад ОЧБ в европейскую культуру XVI–XVII вв., когда главным действующим лицом ОЧБ стал создатель научной педагогики Ян Амос Коменский, творчество которого протекало, как известно, в основном за пределами Чехии после того, как на его родине ОЧБ уже распалась.

По-новому подошел Пальмов и к исследованию учения ОЧБ. Если его предшественники в русской литературе в основном обсуждали вопрос о том, в какой мере учение братьев приближается к православному и приближается ли к нему вообще, то Пальмов поставил вопрос о неправомерности подхода к учению братьев как к явлению статическому. Изучив все сохранившиеся «конфессии», а также сочинения, составленные оппонентами ОЧБ, ученый пришел к заключению, что вероисповедная система общины «постепенно изменялась, находилась в постоянном процессе движения и не представляла чего-нибудь законченного, строго определившегося». Ввиду этого, по мнению Пальмова, исследователь не должен пытаться создавать единую систему из учения разных эпох, как это делал, например, чешский историк А. Гиндели. Задача состоит в том, чтобы представить историю учения общины в его историко-генетическом развитии. Пальмов считал, что отсутствие такого подхода приводит к односторонности; так, протестантские ученые часто применяют к старой, еще не определившейся доктрине ОЧБ современную [т. е. начала XX в. — Л. Л.] протестантскую точку зрения. Избежав изложения конкретных вопросов братского учения, Пальмов уделит внимание историческим условиям, в которых возникла община, и пришел к выводу, что ее доктрина развивалась вне прямых немецко-протестантских влияний и независимо от них. Одновременно он отрицал связь учения братьев с православием, полагая, что их доктрина выросла на почве критики католичества и других западных течений, вне ближайшего отношения к определенным историческим формам православия. Доказывая этот тезис, Пальмов в работе о «Мануальнике» Вацлава Коранды сравнивал учение братьев и уtrakвистов по ряду вопросов (о Пресуществлении, об отношении христианина к светским должностям

и занятиям и др.) и показал различие в подходах к ним: почти по всем пунктам разногласий с братьями утравквисты стояли на точке зрения католической Церкви, одобряя лишь Причастие под двумя видами³¹.

Оценивая в целом значение трудов Пальмова для выяснения особенностей учения ОЧБ, необходимо подчеркнуть их новаторский характер. Русский ученый исследовал все источники, которые в какой-либо степени относились к теме, уделив особое внимание «конфессиям». Рукописные «конфессии» Пальмов изучал по фолиантам Братского архива; он их датировал и установил самое полное количество сохранившихся текстов, исправив при этом данные предшественников — А. Гиндели и Г. Цецшвитца. В ряде случаев русский ученый аргументировал новую датировку «конфессий», а также указал все издания документов и литературу о них. Вся 2-я часть книги «Чешские братья в своих конфессиях...» представляет собой публикацию текста 12 «конфессий» до 1524 г., заимствованных из рукописей Братского архива, и редких старопечатных изданий, хранившихся в различных библиотеках. Многие тексты изданы Пальмовым впервые, и только 2 «конфессии» (на латинском языке) были ранее известны специалистам. Тексты «конфессий», изданные Пальмовым, по заявлению самого ученого, тщательно проверены по рукописям.

Существенны заслуги Пальмова в изучении сочинений по истории ОЧБ, написанных в XVI в. Речь идет в первую очередь о творчестве крупнейшего братского писателя XVI в. Яна Благослава. Русский историк не только изложил все важные сведения, но и обратил особое внимание на предложенную им концепцию истории ОЧБ. Так, характеризуя очерк братского деятеля «Summa queadam brevissima collecta ex variis scriptis fratrum...», в котором освещена история ОЧБ от зарождения общины до XVI в., Пальмов особо подчеркнул, что Благослав настаивал на происхождении братьев «не от вальденсов... а от Матвея Парижского, Гуса, Якубка, Рокицаны и пр., не придавая при этом большого значения Петру Хельчицкому»³². Отметив этот факт, русский ученый, однако, никак его не прокомментировал, хотя «забвение» Благославом роли Хельчицкого, остро критиковавшего существующий порядок, нельзя считать случайным: эпоха Благослава не располагала к воспоминаниям о некоторых истоках общины. Преследования ОЧБ заставляли Благослава писать такую ее историю, которая не вызвала бы для нее дополнительных затруднений. На мой взгляд, «Summa...» в целом является произведением, защищавшим ОЧБ от нападков и претензий.

Пальмов в своей книге не делал обобщений, ограничиваясь лишь фактами, в собирании которых проявил необыкновенный талант. Подобным образом он охарактеризовал и рукописную книгу на чешском языке с латинским заглавием «Historia fratrum». Рассказав о попытках различных исследователей определить автора этой работы, Пальмов не присоединился ни к одной из высказанных точек зрения и заключил, что вопрос об атрибуции произведения «не может считаться окончательно разъясненным: традиция об авторстве Благослава остается научно-исторической проблемой, требующей более длительного изучения и разъяснения»³³. В целом «Историю братьев» Пальмов представил как «сборник материалов в хронологическом порядке,

относящихся к жизни Братской общины и в значительной его части сохранившихся в других источниках, отчасти же известных... только отсюда»³⁴.

Подход Пальмова к проблеме истории ОЧБ был новаторским. Его исследования привели ко многим научным открытиям, изменившим представления о ряде явлений в жизни ОЧБ и деятельности ее отдельных представителей. Но заслугу Пальмова следует видеть прежде всего в сборе огромного материала, установлении фактов, скрупулезном их разыскании и детальной проверке по всем дошедшим до нас источникам. Однако, создавая надежную и достоверную фактическую основу истории ОЧБ, Пальмов был весьма осторожен в обобщениях, избегая гипотез, как бы предлагая самому читателю делать выводы из приведенного материала. В целом же он своими трудами по истории ОЧБ и, в частности, книгой «Чешские братья в своих confessions...» создал богатую источниковую базу для изучения одного из замечательных явлений духовной жизни чешского народа и тем самым внес существенный вклад в науку.

Постоянным предметом исследования И. С. Пальмова был кирилло-мефодиевский вопрос. По этой проблеме он опубликовал ряд интересных исследований, в том числе статьи «Памятники кирилло-мефодиевской старины в Чехии и Моравии» (1883); «Об историческом значении нынешнего Велеграда» (1889); «Кирилло-мефодиевские предания у юго-западных славян латинского обряда» (1885); «Кирилло-мефодиевская идея в современном западном славянстве» (1885); «Критический отзыв о сочинении профессора И. И. Малышевского “Святыне Кирилл и Мефодий — первоучители славянские”. Киев, 1886» (1888); «День блаженной кончины св. Мефодия и последние годы так называемой Великой Моравии в современном славянском сознании» (1890); «К вопросу о сношениях чехов-гуситов с Восточной Церковью в половине XV в.» (1889); «Цареградский Патриарх Фотий и его отношение к современному ему славянству» (1891). Значительная часть работ Пальмова о кирилло-мефодиевской проблематике представляет собой торжественные или юбилейные речи на актах Духовной академии, заседаниях Славянского благотворительного общества и других мероприятиях, иные являются рецензиями на вышедшие книги. Эти работы свидетельствуют о формировании концепции автора, развитой в его главных трудах по истории чешского религиозного движения. Автор приводит факты и высказывает суждения, которые подтверждают его теорию о генетической связи между кирилло-мефодиевским православием, с одной стороны, и гуситством и братством — с другой.

В статье «Памятники кирилло-мефодиевской старины в Чехии и Моравии» Пальмов отмечает, что «первобытное христианство в Чехии и Моравии распространилось и утвердилось благодаря миссионерским трудам святых Кирилла и Мефодия и их ближайших учеников»³⁵. По его мнению, памятники Восточной Церкви и обряды, принесенные кирилло-мефодиевской проповедью, продолжали существовать вплоть до Новейшего времени. Ученый видел их сам в бытность свою в Чехии, а некоторые отчасти описаны в различных чешских изданиях. К этим памятникам относятся древние церкви и

местности, которые предание связывает с проповедью святых Кирилла и Мефодия, кресты, хранящиеся в музеях, некоторые храмы и часовни, предание о камне, на котором стояли солунские братья во время проповеди, о колодцах, при которых святые Кирилл и Мефодий крестили народ. Кроме того, Пальмов, будучи в Чехии, видел молящихся, осеняющих себя крестом греческим, а также подметил обычай 3 раза в году освящать воду, чего нет в латинской Церкви. Таким образом, по мнению Пальмова, все эти и другие памятники и обычаи являются свидетельством византийского влияния, которое принесли с собой и проповедовали святые Кирилл и Мефодий³⁶.

В статье «День блаженной кончины св. Мефодия...» Пальмов обращается к последним часам жизни св. Мефодия и к непосредственным событиям в Великой Моравии после его кончины. Автор отмечает, что, по данным Жития Константина (Кирилла), в Моравии было много людей, сочувствующих делу Мефодия, но князь Святополк его не поддерживал. На учеников Мефодия обрушились гонения, причиной которых стал вопрос об исхождении Святого Духа и другие отличия православного учения и богослужения от католического, например относительно постов, в частности, в субботу. Затем славянское богослужение было неразрывно связано с вопросом о юрисдикции соседней немецкой иерархии над Моравией³⁷. Однако Пальмов подчеркнул, что главной причиной гибели Моравского государства была его внутренняя слабость, что не позволило противостоять немецкому наступлению и латинизаторским усилиям Рима. «Ростислав [князь Великой Моравии.— Л. Л.] понимал значение кирилло-мефодиевской проповеди как важный фактор независимой религиозной и культурной жизни и как условие для утверждения политического могущества своей страны. Святополк не понял важности начатого Ростиславом плана»³⁸.

К кирилло-мефодиевскому вопросу Пальмов обратился и в 1891 г. в своей речи, посвященной 1000-летию кончины Константинопольского Патриарха Фотия³⁹. Профессор констатировал, что Патриарх Фотий был учителем и другом солунских братьев, которые именно от него переняли идею христианского просветительства. Фотий был борцом и защитником чистоты учения православной Церкви, ее независимости от притязаний Рима. Константинопольский Патриарх имел ближайшее отношение к судьбам славянства. С его именем было связано начало духовного просвещения славян, «с любовью и радостью покорившихся христианской проповеди святых славянских вероучителей Кирилла и Мефодия»⁴⁰.

В этих и других работах Пальмова проводилась мысль о живучести кирилло-мефодиевских традиций, эта же идея была развита в обеих выше охарактеризованных монографиях о церковном движении в Чехии. Как было указано, гуситское движение и возникновение братской общины Пальмов объясняет историческими условиями жизни чешского общества в рамках Европы и католической Церкви. Но уже в сочинении «Вопрос о Чаше...» он видит между гуситством и православием некую внутреннюю связь, считая, что кирилло-мефодиевские традиции дожили до начала гуситского движения и оказывали на него воздействие. Таким образом, признав гуситское движе-

ние и ОЧБ порождением западных условий, русский ученый не смог освободиться полностью от славянофильских объяснений этих явлений и дал им двойственную эклектическую оценку.

По мнению чешского рецензента сочинений Пальмова Я. Бидло⁴¹, нет доказательств тому, как велика была сила этих традиций. Факты, которые приводит Пальмов, основаны или на использовании ненадежных источников, или на ошибочном их толковании. Бидло пишет: «Если даже предположить, что источники достоверны, то и в этом случае не видно из них, как велика была сила этих традиций, скорее можно придти к выводу, что сила их была не больше, чем в другой западной Церкви. Память о принятии в Чехии христианства из Византии, конечно, была, но чтобы эти традиции можно было считать церковной оппозицией, подготовкой и основой гуситского движения — этого объективная историческая наука утверждать не может»⁴². Далее рецензент отмечает, что, по мнению Пальмова, ОЧБ есть порождение гусизма, следовательно, и вероучение братьев отражает православные, кирилло-мефодиевские традиции. «Но, — говорит далее чешский оппонент Пальмова, — если братья были православные, то почему молчал об этом брат Рокита перед царем Иваном? Если бы кирилло-мефодиевские традиции были так живы, то, вероятно, Рокита не упустил бы случай это сказать»⁴³.

Таким образом, чешские современники Пальмова, подчеркивая большое значение его трудов для изучения церковной истории Чехии XV–XVI вв., не согласились с его теорией «православных остатков» и сохранения кирилло-мефодиевских традиций до гуситского движения.

Предметом научного исследования Пальмова были также вопросы церковной истории и современной церковной жизни южных славян. На эту тему им написаны важные статьи, часть из которых представляют собой публикации речей, произнесенных на торжественных или ученых заседаниях. В журнале «Церковный вестник» профессор Пальмов вел обозрение текущей церковной жизни греков и южных славян и публиковал информацию о состоянии этого вопроса в других православных странах, обращая внимание на положение русских униатов⁴⁴. Исследователь написал большое число рецензий на русские и славянские книги о Церкви, многие из которых остались неопубликованными⁴⁵. Он постоянно информировал о событиях в церковной жизни славянских стран, откликался на знаменательные даты, писал об отдельных деятелях Церкви⁴⁶. Много ценных данных Пальмов привел в научных докладах в Санкт-Петербургском славянском благотворительном обществе⁴⁷, в Палестинском обществе, в Санкт-Петербургской Духовной академии.

В ходе заграничных путешествий Пальмова были собраны богатые материалы, хранящиеся сейчас в Петербургском филиале Архива РАН и в Отделе рукописей РНБ. Среди этих бумаг — заметки о современном положении Греческой Церкви в «Свободной Элладе», об уровне образованности духовенства, об антицерковных движениях, об особенностях греческого богослужения под игом турок, о взгляде современных эллинов на свою нацию и др. Есть сведения о пребывании исследователя на островах Сирос, Хиос, Самос,

Лерос и Патмос. На Патмосе ученый работал в архивах и библиотеках монастырей. Имеется описание Афона и выписки из архивов афонских монастырей. Также некоторые документы содержат данные о поездке Пальмова по молдавским монастырям в 1884 г. и религиозных отношениях в австрийской Галиции⁴⁸. В общем, материал касается в основном церковного вопроса у южных славян, хотя исследователь активно интересовался также Греческой Православной Церковью. По разным причинам ученый не реализовал эти материалы в виде публикаций, и будущего исследователя творчества Пальмова ожидают новые открытия, а науку — новые страницы церковной истории народов Юго-Восточной Европы. В отличие от фундаментальных сочинений по истории чешского религиозного движения, работы Пальмова по истории Церкви у южных славян и вообще православных народов носят информативный характер. Сведения основаны на документах официального происхождения, а также на личном наблюдении.

В 1884 г. во время поездки в Константинополь и на Афон ученый собрал ряд важнейших источников по истории Охридской архиепископии, ранее неизвестных науке. Документы хранились в архиве афонского Зографского монастыря. Содержание этих документов он изложил в статье «Новые данные к истории Охридской архиепископии XVI, XVII и XVIII вв.», опубликованной в «Христианском чтении» в 1891 г.⁴⁹ Хранящиеся в архиве Зографского монастыря 4 грамоты Охридского архиепископа Паисия, переписанные с греческих оригиналов, относятся ко 2-й половине XVI в. и отражают разные стороны жизни архиепископии. В них говорится о правах архиерейской власти и обязанностях паствы по отношению к епископу и священнику. Эти обязанности, в частности, выражались в том, что паства должна была давать десятину «от всех своих плодов»: пшеницы, вина, от каждой пары волов — епископу, а за совершение таинств крещения, брака, совершение литургии и т. д. — священнику. Таким образом, судя по грамоте архиепископа Паисия, источником материального обеспечения Церкви в XVI в. была паства.

Вторая группа документов по истории Охридской архиепископии, описанных Пальмовым, содержится в «Кодексе св. Климента», содержащем протоколы избрания архиепископа Охида на Патриарший престол всей Болгарии, Сербии, Албании, Македонии, Западного моря и др. в 1681 г., грамоту об избрании архиепископов, митрополитов и т. д., а также об открытии школ, училищ и пансионов. Изложив далее содержание актов, относящихся к XVIII в., Пальмов дает историческую оценку всех описанных документов. Он отмечает, что грамоты архиепископа Паисия свидетельствуют о том, что юрисдикция Охридского архиепископства в XVI в. простиралась не только на Балканский полуостров, но и на греческие и албанские поселения Италии, Силезии, Мальты, Далмации и всех западных стран, где жили православные. Ученый приходит к выводу, что после завоевания Византии турками юрисдикция Охридского архиепископа над людьми «греческой» веры сохранялась, и еще в 1762 г. существовала православная епархия в Сицилии. Затем началось наступление католической Церкви и принуждение священников принять унию, в 1767 г. архиепископство Охридское было упразднено.

Заметим, впрочем, что содержание указанных документов ученый оценил далеко не полностью. Сведения, касающиеся вопросов внутренней жизни Церкви, в частности, материального обеспечения высшего духовенства и приходских священников, он никак не комментирует.

17 февраля 1891 г. профессор Пальмов на годичном акте в Санкт-Петербургской Духовной академии произнес речь об учреждении Патриаршества в Сербии. Материал выступления впоследствии был подробно обработан и составил солидную статью, опубликованную в «Славянских известиях»⁵⁰. Автор, описывая жизнь и деятельность свт. Саввы по созданию самостоятельного Сербского архиепископства в начале XIII в., опирается на 2 списка его Жития. Пальмов сравнивает тексты и проводит их источниковедческое исследование. В приложении автор публикует выписки из Житий, указывает литературу, в которой они напечатаны. Интересными и, на мой взгляд, обоснованными представляются суждения Пальмова о причинах учреждения свт. Саввой архиепископии в Сербии. Изложив кратко политическую историю Сербского государства в XII – начале XIII в., Пальмов пишет, что «нужды его заключались прежде всего в организации Сербской Церкви – учреждение сербской высшей иерархии с архиепископом во главе для целей христианизации как населения самой Сербии, так и окрестных земель, в частности, для защиты от латинства, которое было распространяемо назойливыми и всемогущими тогда латинизаторами (было время крестовых походов, когда латиняне проходили через земли Балканского полуострова!) не только на западных границах Сербии, но и по всем Балканам и вообще православному Юго-Востоку, а также и против богомилства, которое широко раскидывало свои сети среди православной паствы, несмотря даже на строгие против него и других ересей меры. Всеми этими религиозными причинами обуславливалась мысль об учреждении независимой Сербской архиепископии... А политические соображения о независимости страны представляли удобную и законную почву для осуществления этой мысли... Потому без особых затруднений и удалось провести ее на деле и достигнуть желаемых результатов»⁵¹.

Вопрос о создании самостоятельной, независимой от Константинополя Патриархии ученый объясняет историческими условиями развития Сербского государства в период правления царя Стефана Душана (брата свт. Саввы). Ввиду того что этот государь благодаря расширению своей державы объявил себя царем сербов и ромеев, он решил учредить Патриаршество в своих владениях, независимое от Константинополя, равное Константинопольской Патриархии, так как, по его мысли, Сербско-греческое царство должно было заменить Византийскую империю. Широко раздвинувшиеся границы объединенных сербских земель требовали в сфере церковной такой же самобытной организации, какой страна достигла в государственном отношении. Оценивая результаты создания Патриаршества в Сербии, Пальмов замечает, что это было сделано самочинно царем Стефаном Душаном, создало конфликт с Константинопольской Церковью и привело к отлучению Сербской Церкви от Вселенской. Действия Стефана Душана канонически не оправданы, утверждает ученый, но и Константинопольская

Патриархия тоже виновата в расколе, так как пренебрегла принципом согласования церковной организации с политическим и гражданским делением стран и народов.

Нельзя не отметить объективность историка, с которой он оценивает события сербской истории XIV в., и приемлемость его точки зрения современной наукой, однако его призыв к тому, чтобы при решении политических вопросов руководствоваться принципом «христианской любви», представляется идеалистичным. Отметим также, что статья Пальмова имела значение не только как историческое исследование, но и была в свое время весьма актуальной, так как в Сербии в конце XIX в. велась борьба за восстановление Печской Патриархии, упраздненной в 1766 г., и сербы, по мнению историка, должны, памятуя о своей истории, согласовывать национальные интересы с требованиями церковно-исторической практики.

Весьма актуальной для своего времени была и другая работа Пальмова, касающаяся Болгарской Церкви. Как известно, в Болгарии велась борьба с Греческой Церковью, закончившаяся в 1872 г. Собором, которым признал Болгарскую церковь «схизматической». Мотивы этой борьбы — национально-политические, противоречия между греками и болгарами из-за Фракии и Македонии. Самостоятельная Болгарская экзархийская Церковь была учреждена султанским фирманом от 27 февраля 1870 г. Болгары избрали себе экзарха, 11 февраля 1872 г. он получил берат, в котором определялись епархии и пределы экзархата и подробно были изложены права экзарха.

Пальмов знакомит читателей и с первоначальным устройством Болгарской экзархийской Церкви и современным ее положением⁵², ввиду того что новые политические условия жизни болгарского общества привели к некоторым изменениям в положении Церкви. Свой очерк Пальмов строит на изложении законодательных памятников и дает необходимые справки и комментарии. В статье изложен первоначальный устав Болгарской экзархии, уставы 1883 г. и 1895 г., последний был приспособлен к княжескому уставу 1895 г.

В работе подробно излагается содержание первоначального устава экзархата, который назван управляемой православной Болгарской Церковью, состоящей из болгарских епархий в пределах Османской империи. Экзархат имеет высший орган управления Священный Синод, состоящий из председателя — экзарха и членов. Экзарх избирается на 4 года, членами являются все митрополиты, т. е. главы епархий. Далее говорится о функциях Синода, его учреждениях, избрании экзарха и митрополитов, а также об избрании других органов управления вплоть до приходских священников. Во 2-й части устава в соответствии с изложением автора говорится о правах и обязанностях должностных лиц, административной и судебной власти. В 3-й части излагаются статьи, касающиеся доходов и расходов экзархата. Все доходы собираются с христиан епархии каждого города и села.

После русско-турецкой войны 1877–1878 гг. появилось 3 государственных-административных центра: под властью Турции остались епархии болгарского экзархата в Македонии и Фракии. Затем образовалось княжество Болгария и Восточная Румелия — автономная область Турецкой империи. Автор

рассматривает положение Церкви во всех частях, отмечая обострение противоречий между церковной и светской властями. Так, в Восточной Румелии применение Устава, регулирующего вероисповедные вопросы, встретило сопротивление политических партий, которые относились к духовенству враждебно или индифферентно. В княжестве Болгарском, по сведениям автора, отношения между Церковью и правительством обострились с самого начала. Правительство стремилось вмешиваться в дела Церкви и направлять их в невыгодном для Церкви духе. Далее автор излагает основные положения Тырновской Конституции Болгарского княжества (главу о вере) от 1879 г. и описывает разногласия между правительством и Церковью.

Затем Пальмов говорит о содержании устава экархата 1883 г., оценивая который, подчеркивает стремление правительства подчинить своему контролю многие функции церковной жизни Болгарского княжества. Новый устав, вступивший в действие в 1895 г., подробно излагается по пунктам. В 1-й части освещается управление. 2-я часть содержит правила, касающиеся административных и судебных прерогатив церковных властей. 3-я часть посвящена суду и наказанию духовных лиц. Последние 2 части формулируют общие распоряжения, в частности, вопрос о содержании церковных властей государством. Подводя итог, Пальмов отмечает общие черты и различия уставов, касающиеся внутренней жизни страны и отношений Болгарской Церкви к тому или иному правительству (Турции или Болгарии). Автор редко комментирует факты, но из приведенного им материала видно, что в Турецкой империи после 1870 г. Болгарская Церковь была более независимой, чем в освобожденной Болгарии, когда стали проявляться тенденции подчинения ее государству и вмешательство правительства во внутренние дела Церкви.

Труд Пальмова представляет собой новый этап в познании истории южнославянских Церквей. Нельзя сказать, что эта история изучена петербургским профессором-богословом всесторонне, однако в целом его подход к проблемам представляется более объективным, чем у славянофильствующих славистов, освещавших церковные вопросы с политических позиций.

Кроме славян в сфере научных интересов историка были также православные народы неславянского происхождения, проживавшие на территории Центральной и Южной Европы. Выше упоминалось о том, что в работах ученого есть сведения о греках, православных албанцах и т. д. Православным румынам и их церковной жизни Пальмов посвятил специальную статью, опубликованную в «Христианском чтении» в 1898 г.⁵³ Ввиду того что в русской литературе отсутствовали сведения о церковной организации православных румын, входивших в состав Австро-Венгрии и проживавших в Трансильвании, Банате и Восточной Венгрии, автор начинает свое повествование со времен распространения у румын христианства, которое они приняли из Византии. В 1864 г. образовался самостоятельный национальный церковный округ — Германштадтская митрополия, — в которой управление православными румынами транслейтанской половины Австро-Венгрии осуществлялось выработанным в 1868 г. «Органическим уставом Греко-восточной Румынской

Церкви в Угрии и Трансильвании». Согласно этому уставу православная Румынская Церковь находилась под надзором королевской власти, а во внутренней жизни управлялась самостоятельно. Затем характеризуется митрополия и органы ее власти. Рассказывается о Синоде, избрании митрополита, формировании и функциях митрополичьей консистории, Архиерейского Синода. Констатируется выборность епископов, разделение епархий на округа, органы управления епархией, управления приходами. Характеризуются монастыри, их управление, особое положение в сфере автономно-церковной жизни. Заклучая изложение «Органического устава», Пальмов считает, что он регламентирует церковно-народную автономную жизнь православных румын и обеспечивает их защиту от мадьяризации, насаждаемой венгерским правительством. Церковь и школа — их оплот против мадьяризации. В основу народно-церковной организации румын положено начало народного представительства, против которого трудно бороться, считает Пальмов. Налицо участие мирян в делах церковных, их численное превосходство во всех инстанциях церковно-административного строя перед лицами духовными. Попытки ограничения широких прав мирян пока не удаются⁵⁴.

Таким образом, церковная жизнь у румын, как и у славянских народов на Балканах, имела демократический характер. Эта демократичность выразилась в выборности священнослужителей и церковных администраторов, участии мирян в управлении, коллегиальном решении большинства вопросов, сменяемости должностных лиц. Вероятно, это обстоятельство определяло подчас руководящую роль Церкви в борьбе южных славян против иноземного ига и предотвратило серьезные конфессиональные конфликты при создании самостоятельных славянских государств на Балканах. В работе Пальмова о Румынской Церкви помимо описания ее устройства содержится много сведений о румынах, их расселении, численности, теории их происхождения, приведена соответствующая литература на разных языках.

И. С. Пальмов принадлежит к числу наиболее крупных исследователей религиозной жизни зарубежных славян и некоторых неславянских народов, исповедовавших православие. В России в конце XIX — начале XX в. работы ученого были явлением уникальным. Их отличало глубокое знание источников, необыкновенно широкая эрудиция автора в литературе на древних и европейских языках. Личное знакомство с состоянием церковной жизни в странах Центральной Европы и особенно Балканского полуострова, архивы, библиотеки, монастыри, резиденции церковных иерархов, которые он постоянно посещал, давали ему живое представление о религиозной жизни народа и помогали осмыслению ее истории. При изучении прошлого автор рекомендовал себя как скрупулезный знаток источников. Как уже отмечалось, труды Пальмова не одинаковы по глубине исследования проблемы. Если по истории религиозного движения в Чехии XV—XVI вв. преобладают труды обобщающего характера, принесшие открытия и новое слово в освещении вопроса, то по истории Церкви у южных славян ученый писал о современном ее состоянии с большими или меньшими экскурсами в историю. Объек-

тивность в освещении исторических сюжетов, доброжелательность и терпимость к представителям разных конфессий снискали Пальмову много друзей и уважение со стороны даже тех представителей Церкви и историков, которые находились в неприязненных или враждебных отношениях между собой.

Это уважение к трудам и личности русского ученого, признание его заслуг выражалось, в частности, в наградах, почетных званиях, которыми отличали его славянские и другие учреждения и лица. Так, сербский король Александр I наградил Пальмова орденом св. Саввы 3-й степени⁵⁵; орден «За гражданские заслуги» 2-й степени вручил ученому болгарский князь Фердинанд I⁵⁶; князь Черногорский Николай I удостоил ордена Даниила I 2-й степени (орденом Даниила I 3-й степени ученый был награжден ранее)⁵⁷. С 1889 по 1911 г. профессор Пальмов получил в награду 7 русских орденов⁵⁸.

В 1907 г. Пальмов был избран членом Чешского королевского общества наук в Праге⁵⁹, а в 1908 г. — Чешской академии наук и искусств⁶⁰. Русские ученые общества считали для себя честью иметь в своих рядах столь крупного и ученого деятеля науки. Пальмов был действительным членом Российского географического общества (с 1893 г.)⁶¹, членом Российского археологического института в Константинополе⁶², действительным членом Общества ревнителей русского исторического просвещения (с 1905 г.)⁶³. Был почетным членом Санкт-Петербургской, Московской и Казанской Духовных академий⁶⁴, почетным членом Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества (30 мая 1907 г.)⁶⁵. Российская академия наук в 1914 г. избрала ученого в свои члены-корреспонденты⁶⁶, а в 1916 г. он был избран действительным членом РАН и стал ординарным академиком по Отделению русского языка и словесности⁶⁷.

И. С. Пальмов скончался в 1920 г., в период кризиса славяноведения в России в результате прихода к власти большевиков. Как большинство дореволюционных ученых, Пальмов воспринял Октябрьскую революцию как крах всех своих стремлений. По воспоминаниям В. М. Истрина, Пальмов говорил, что вся его идеология поколеблена, он выбит из колеи и не знает, что делать. «Действительно, всю жизнь жить известными идеалами, во имя их работать и проводить их в жизнь, быть накануне претворения их в действительность и потерпеть полное их крушение, почувствовать, как уходит из-под ног почва. Есть от чего зашататься, прийти в отчаяние и упасть, — писал Истрин. — И. С. не пришел в отчаяние и не упал, но зашатался. Он продолжал бодриться, верить, по его словам, в русский народ, но дух его уже был угнетен». Скоро к этому душевному угнетению присоединилось угнетение физическое: «носка на 5-й этаж дров, хождение на Миллионную за пайком, стояние по несколько часов в очереди для получения вязанки дров и прочие трудности»⁶⁸.

Придя в Богословский институт читать лекцию, Пальмов почувствовал себя плохо и скончался на руках своих друзей и учеников⁶⁹. Его смерть вызвала широкий отклик в журналах и газетах, где были опубликованы некрологи и статьи об ученом⁷⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Записка об ученых трудах члена-корреспондента Академии наук И. С. Пальмова 1916 г. (Петербургский филиал Архива Российской академии наук (далее — ПФА РАН), ф. 2, оп. 17, д. 130, л. 2–4).
- ² Там же, л. 26–27.
- ³ Например: *Липатникова Г. И.* К изучению гуситского движения в русской дореволюционной историографии // Вопросы истории славян. Воронеж, 1963.
- ⁴ *Lapteva L. P.* Der russische Slavist I. S. Pal'mov (1856–1920) und die Sorben // *Lětopis Reihe B. Nr. 23/2*, 1976. S. 151–160; *eadem.* Ruský slavista I. S. Palmov a jeho styky s Čechami // *Československé-sovetske vztahy*. 9. 1980. S. 129–159; *Лантева Л. П.* Община чешских братьев в освещении русской историографии XIX — начала XX в. // *Folia Historica Bohemica* (далее — ФНВ). 13. 1990. S. 369–425; *ее же.* Русский ученый И. С. Пальмов как исследователь Общины чешских братьев // *Церковь в истории славянских народов*. М., 1997. С. 53–65; *ее же.* И. С. Пальмов и изучение им славянства в ходе заграничных поездок // *Славянский мир. Проблемы изучения*. Тверь, 1998. С. 99–109; *ее же.* История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005. С. 400–431.
- ⁵ ПФА РАН, ф. 2, оп. 17, д. 130, л. 2. Записка об ученых трудах И. С. Пальмова (1916). Та часть документа, где указана дата рождения, написана рукой самого Пальмова.
- ⁶ Там же, ф. 105, оп. 1, д. 149, л. 36–45 (Формулярный список от 20 октября 1916 г.).
- ⁷ Там же, ф. 2, оп. 17, д. 130, л. 28.
- ⁸ О контактах И. С. Пальмова с чешской научной средой см.: *Laptevová L. P.* Ruský slavista I. S. Palmov a jeho styky s Čechami // *Československé-sovetske vztahy*. 9. 1980. S. 129–159.
- ⁹ Подробно о контактах И. С. Пальмова с лужицкими сербами см.: *Lapteva L. P.* Der russische Slavist I. S. Pal'mov (1856–1920) und die Sorben // *Letopis Reihe B. Nr. 23/2*, 1976. S. 151–160.
- ¹⁰ Отчет магистра Ивана Пальмова [о занятиях за границей в период от 8 ноября 1881 по август 1882] // *Христианское чтение*. 1883. № 7–8, 9–10.
- ¹¹ Письмо И. С. Пальмова чешскому ученому А. Патере 8/20 октября 1882 г. из Белграда // *Literární Archiv Památníku Národního písemnictví*. Praha (далее — LAPNP). *Pozůstalost A. Patery. Korespondence*.
- ¹² Биография И. С. Пальмова // LAPNP. *Pozůstalost Adolfa Patery. Ruská korespondence*. Sig. 27. G. 34.
- ¹³ ПФА РАН, ф. 105, оп. 1, д. 150, л. 3–4 (Представление ректора Санкт-Петербургской Духовной академии).
- ¹⁴ Там же, ф. 105, оп. 1, д. 149, л. 36–45.
- ¹⁵ *Истрин В. М.* Иван Саввич Пальмов. Некролог // *Известия РАН*. 1920. Т. 14. С. 187.
- ¹⁶ Русская литература о гуситском движении проанализирована в сочинении: *Лантева Л. П.* Русская историография гуситского движения (40-е годы XIX в. — 1917 г.). М., 1978. Здесь же характеризуются работы И. С. Пальмова.
- ¹⁷ *Francev V. A.* Prof. Ivan Savvič Palmov — *Almanach České Akademie, rok XXXIII*. Praha, 1923. S. 6.
- ¹⁸ См. *Пальмов И. С.* Предисловие // *Гильфердинг А. Ф.* Гус. Его отношение к православно-Церкви. Изд. 2. СПб., 1893.
- ¹⁹ См. *Новиков Е. П.* Гус и Лютер. М., 1859. Ч. 1. С. 67; Ч. 2. С. 341.
- ²⁰ *Пальмов И. С.* Вопрос о Чаше в гуситском движении. СПб., 1881. С. 124–138, 234, 256, 356–371, 480, 547 и др.
- ²¹ *Пальмов И. С.* «Мануальник» Вячеслава Коранды как источник для характеристики религиозно-реформаторских идей чешского утраквизма второй половины XV века // *Новый сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского*. СПб., 1905. С. 159.
- ²² *Пальмов И. С.* Вопрос о Чаше... С. 302–303, 345–347 и др.

- ²³ Сочинения Петра Хельчицкого. I. Сеть веры. II. Реплика против Бискупца. Труд Ю. С. Анненкова. Окончил по поручению ОРЯС ординарный академик И. В. Ягич. СПб., 1893.
- ²⁴ См. об этом: *Лаптева Л. П.* Николай Владимирович Ястребов (1869–1923) как исследователь истории Чехии // История и историки 2005. Историографический вестник. М., 2006. С. 212–252.
- ²⁵ Обзор русской литературы об ОЧБ имеется в работе: *Лаптева Л. П.* Община чешских братьев в освещении русской историографии XIX — начала XX в. // Folia Historica Bohemica. 13. 1990. S. 369–425.
- ²⁶ *Смирнов В.* Чешские и моравские братья до сближения их с протестантами // Православное обозрение. М., 1869. Первое полугодие. С. 823–828; Второе полугодие. С. 47–82.
- ²⁷ *Анненков Ю.* Гуситы в России в XV–XVI ст. Церковно-исторический очерк // Странник. СПб., 1873. № 3. С. 358.
- ²⁸ *Flajšhans V.* Ruská věda a hnutí husitské // Národní listy, 1908. 26. V. Č. 145. S. 1.
- ²⁹ *Пальмов И. С.* Чешские братья в своих конфессиях до начала сближения их с протестантами в конце 1-й четверти XVI столетия. Т. 1. Ч. 1. Прага, 1904. С. 53–54, 321–328, 372–386; Ч. 2. С. 9, 34, 54.
- ³⁰ Там же. С. 326–328.
- ³¹ *Пальмов И. С.* «Мануальник» Вячеслава Коранды как источник... С. 161, 176.
- ³² *Пальмов И. С.* Чешские братья... Т. 1. Ч. 1. С. 407.
- ³³ Там же. С. 408.
- ³⁴ Там же. С. 409. Заметим, что современная точка зрения на вопросы, представлявшиеся Пальмову нерешенными, изложена в кн.: *Janauek J.* Jan Blahoslav. Praha, 1966. S. 62–67.
- ³⁵ Сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского по случаю 25-летия его ученой и профессорской деятельности. СПб., 1883. С. 41.
- ³⁶ Там же. С. 55.
- ³⁷ Славянские известия. 1890. № 15. С. 290.
- ³⁸ Там же. С. 292.
- ³⁹ Цареградский Патриарх Фотий и его отношение к современному ему славянству. Речь, произнесенная проф. И. С. Пальмовым в торжественном собрании Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества в зале Городской думы 25 ноября 1891 г., по поводу истекающего в 1891 году тысячелетия со времени кончины Патриарха Фотия // Славянские известия. 1891. № 13. С. 222–233.
- ⁴⁰ Там же. С. 230.
- ⁴¹ [*Bidlo J.*] Ivan Pal'mov. Češkie brat'jz v svoich konfessijach do načala sblíhenija ich s protestantami y konce pervoj četverti XVI stoletija. Tom I, vypusk 1... vypusk 2... Praha, 1904 // [Rec] Český Časopis Historický. Roč. XI. 1905. S. 203–212.
- ⁴² Ibid. С. 211.
- ⁴³ Ibid.
- ⁴⁴ См., например: *Пальмов И. С.* Православный Восток в минувшем 1897 году... в минувшем 1898 г... С очерком положения русских униатов. В 2 т. СПб., 1898–1899; Православный Восток в минувшем 1900 году с очерком положения русских униатов. СПб., 1901.
- ⁴⁵ Наряду с неопубликованными рецензиями в архиве Пальмова сохранилось дело «Материалы по деятельности И. С. Пальмова в СПб. Духовной академии», где значительное число документов составляют письма ректора Духовной академии и Цензурного комитета Пальмову, в которых содержится просьба дать заключение о книгах по церковной истории, написанных на славянских языках, главным образом на сербско-хорватском. Есть просьбы отрецензировать переводы книг, дать отзывы на магистерские и докторские диссертации. Сами отзывы, как правило, отсутствуют, но встречаются их черновики, а иногда и наборные экземпляры (см. ПФА РАН,

- ф. 105, оп. 1, д. 158). Из сохранившихся отметим: отзыв о сочинении Д. Якшича «Из истории православных сербов конца XVII. Переход православных сербов из Турции в Австро-Угрию в 1690 г. под руководством Арсения III Черноевича» (ОР РНБ, ф. 558, № 99); Отзыв о книге Н. Л. Туницкого «Св. Климент, епископ Словенский. Его жизнь и просветительская деятельность» (после 1913 г.) (ОР РНБ, ф. 558, № 97 (не опубликовано)) и многие другие.
- ⁴⁶ К примеру: *Пальмов И. С.* Памяти Высокопросвещеннейшего Михаила, архиепископа Белградского и митрополита Сербского // Церковный вестник. 1898. № 7, 8.
- ⁴⁷ *Пальмов И. С.* Памяти Михаила Иосифовича Кояловича (23 авг[уста] 1891 г.). Речь, произнесенная в Торжественном собрании Славянского благотворительного общества. 1 дек[абря] 1891. СПб., 1891.
- ⁴⁸ ПФА РАН, ф. 105, оп. 1, д. 36 (Материалы к истории путешествия в славянские земли и на греческий Восток).
- ⁴⁹ В настоящей работе использован отдельный оттиск указанной работы (СПб., 1892).
- ⁵⁰ *Пальмов И. С.* Исторический взгляд на начало автокефалии Сербской Церкви и учреждение Патриаршества в древней Сербии // Славянские известия. 1891. № 14, 15, 16, 17. В настоящей статье использован отдельный оттиск работы.
- ⁵¹ *Пальмов И. С.* Исторический взгляд... С. 12, 15–16, 29, 31, 35, 39, 63.
- ⁵² *Пальмов И. С.* Болгарская экзархийская Церковь. Первоначальное и современное ее устройство // Христианское чтение. 1896. Кн. 4 (июль–август); Кн. 6 (ноябрь–декабрь). В настоящей статье использован оттиск из «Христианского чтения». С. 45, 53, 56–90.
- ⁵³ *Пальмов И.* Основные черты церковного устройства православных румын в Австро-Угрии // Христианское чтение. 1898. Вып. 6. В настоящей статье использован оттиск из «Христианского чтения».
- ⁵⁴ Там же. С. 37–38.
- ⁵⁵ В архиве И. С. Пальмова в Отделе рукописей РНБ (ф. 558) хранятся дипломы и грамоты на ордена, которыми был награжден ученый (ОР РНБ, ф. 558, № 6).
- ⁵⁶ Там же, № 5.
- ⁵⁷ Там же, № 3, 4.
- ⁵⁸ Там же, № 2.
- ⁵⁹ Archiv ČAV f. KČSN, acta 1907.
- ⁶⁰ Archiv ČAV f. ČAVU, acta 1908.
- ⁶¹ ОР РНБ, ф. 558, № 12
- ⁶² Там же, № 11.
- ⁶³ Там же, № 10.
- ⁶⁴ Там же, № 9.
- ⁶⁵ Там же, № 13.
- ⁶⁶ ПФА РАН, ф. 2, оп. 1–1913, № 71, 72.
- ⁶⁷ Там же, оп. 17, № 130; ф. 9, оп. 1, № 1037.
- ⁶⁸ О тяжелом материальном положении дореволюционных ученых см.: *Робинсон М. А.* Судьбы академической элиты. Отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов). М., 2004.
- ⁶⁹ *Истрин В. М.* Иван Саввич Пальмов. С. 189.
- ⁷⁰ Там же. С. 185–190; *Верюжский В.* Пальмов Иван Саввич // Русский исторический журнал. Кн. 7. Пг. 1921. С. 242–244; *Грот К.* Памяти академика И. С. Пальмова // Вестник литературы. 1921. № 1(25). С. 15; *Francev V. A.* Professor Ivan Savvič Palmov // Almanách České akademie věd a umění. 1923. Ч. 33.